

Василий Михайлович Бабич

Программа физического факультета Ленинградского университета в 1968–74 годах формировалась усилиями выдающихся педагогов. Сочетание широкого спектра физических дисциплин, серьёзной лабораторной подготовки и прочной математической базы оказалось чрезвычайно полезным в моей дальнейшей профессиональной жизни. Особую роль в нашем становлении сыграли профессора и преподаватели, многие из которых оставили глубокий след не только в науке, но и в судьбах своих учеников.

Среди них особое место занимает Василий Михайлович Бабич, прочитавший нам курс “Уравнения математической физики”. Студенты искренне любили его. Занятия проходили в лекционном зале второго этажа бывшего здания физфака — помещении, которое, по всей видимости, в прошлом имело иное назначение. Курс читался со сцены, расположенной на некотором возвышении. Василий Михайлович появлялся за минуту до начала — бодрый, энергичный — и без вступлений приступал к изложению материала. Оно было глубоким, оригинальным и во многом выходило за рамки доступной тогда учебной литературы, поэтому мы старались не пропускать ни одного занятия.

Изложение нередко сопровождалось нестандартными приёмами. Иногда в начале занятия Василий Михайлович швырял свою кепку: она пролетала через сцену и неизменно опускалась точно в отведённое место — за всё время не случилось ни одного промаха. Порой он подходил к самому краю сцены и, слегка покачиваясь, продолжал рассказ. Всё это неизменно вызывало восторг аудитории. Позднее стало известно, что Василий Михайлович был опытным спортсменом, совершавшим тяжёлые лыжные переходы по Полярному Уралу и в других регионах.

Экзамены он принимал строго, обстоятельно и при этом доброжелательно, что лишь усиливало уважение и привязанность студентов.

Позднее Василий Михайлович согласился стать руководителем моей дипломной работы. Это позволило мне увидеть его в иной роли — как руководителя лаборатории и ведущего регулярных научных семинаров. За годы профессиональной деятельности мне довелось выступать во многих научных коллективах нашей страны, а также за рубежом. Семинары Василия Михайловича и в этом контексте отличались особой атмосферой: доброжелательной и одновременно внимательной к деталям, требовательной к научной точности.

После окончания университета, бывая в Ленинграде, а затем в Петербурге, я регулярно навещал Василия Михайловича. Несмотря на постоянную занятость, он всегда находил время выслушать меня и охотно делился результатами своей работы и научными размышлениями.

Важную роль в поддержании научных связей между его учениками и сотрудниками играла ежегодная конференция “Дни дифракции”, проводившаяся в конце весеннего семестра. Её неотъемлемой частью была финальная “сессия” на природе и традиционное соревнование в игре “Городки”. Эти встречи надолго остались в памяти всех участников.

С именем Василия Михайловича связаны и неожиданные эпизоды. В конце 1990-х — начале 2000-х годов я был приглашён выступить с семинаром в группе

Джорджа Папаниколау (George C. Papanicolaou) в Стэнфордском университете. Среди присутствовавших находился профессор Джозеф Келлер (Joseph B. Keller). После доклада меня попросили рассказать о месте моей учёбы, и когда я упомянул имя руководителя своей дипломной работы, характер беседы мгновенно изменился. Краткий формальный разговор перешёл в обстоятельное и доброжелательное обсуждение с множеством вопросов. Оказалось, что передо мной был тот самый профессор Келлер, о котором Василий Михайлович неоднократно рассказывал на семинарах, — учёный, широко известный работами в области геометрической теории дифракции.

Позднее, неоднократно общаясь со специалистами в области волновых процессов и их приложений, я вновь и вновь убеждался в исключительно высоком международном авторитете Василия Михайловича.

В начале 2000-х годов я пригласил его посетить департамент математики Аризонского университета, где он провёл около месяца. За это время Василий Михайлович прочёл несколько курсов для студентов, выступил с докладом на семинаре, продолжал собственные исследования и вёл содержательные беседы с профессором Владимиром Евгеньевичем Захаровым. В неформальном общении я узнал многое о его жизни и детстве, увидел Ленинград времён его юности глазами старшего поколения.

Меня неизменно поражала широта его интересов и глубина знаний — от фундаментальных научных проблем до тем, весьма далёких от профессиональной сферы.

Мы вместе посетили Гранд-Каньон, о котором Василий Михайлович впервые услышал ещё в школьные годы от учительницы. Её рассказы глубоко запали ему в память и со временем привели к подробному изучению существующих гипотез формирования каньона. Его знания геологического строения этого района производили сильное впечатление. Вдоль каньона проходит тропа, где на поверхности обнажаются слои пород, отражающие минералогическую хронологию протяжённостью в миллиарды лет. Ранее по этой тропе меня проводил мой сын — профессиональный геохимик. К моему удивлению и восхищению, Василий Михайлович прекрасно ориентировался в этой теме и был хорошо знаком с основными научными концепциями.

Ещё одна памятная поездка состоялась в День благодарения, когда мы были приглашены в обычную американскую семью, далёкую от научного мира. Василий Михайлович сразу привлёк к себе внимание: хозяйева наперебой объясняли происходящее, а он, в свою очередь, деликатно вносил уточнения и исторические комментарии. В итоге все остались довольны — и общением, и праздничной индейкой. Несмотря на языковые трудности, атмосфера была тёплой и дружелюбной.

Василий Михайлович Бабич был выдающимся учёным, оказавшим значительное влияние на развитие современных технологий, связанных с распространением электромагнитного излучения и его взаимодействием с препятствиями. Он был прекрасным, внимательным педагогом; под его руководством сформировалась и успешно развивалась научная школа по теории дифракции волн.

Я глубоко благодарен судьбе за то, что мне довелось быть учеником и современником Василия Михайловича Бабича.

Ильдар Равильевич Габитов